

Германо-польские отношения на современном этапе: Политико-военное измерение

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые составляющие германо-польского взаимодействия в военно-политической области на современном этапе. Основной метод научного исследования – ивент-анализ политики ФРГ, затрагивающей интересы Республики Польша (РП).

Исследуется политико-дипломатическая составляющая взаимодействия. В этой связи рассматриваются причины и последствия создания формата «Веймарского треугольника» (1991), использование его участвующими сторонами для согласования позиций на начальных стадиях украинских событий (2013–2014). Показывается, что Германия (и Франция) выступает против вхождения Польши в состав «Нормандского формата» с учетом ее возможного негативного влияния на ход и без того «буксующего» урегулирования вооруженного конфликта на востоке Украины. Отмечается, что для снятия возникшей в этой связи напряженности в германо-польских отношениях ФРГ интенсифицировала использование «Веймарского треугольника». Указывается на неготовность РП участвовать в реализации инициатив германо-французского тандема под эгидой ЕС в области безопасности.

¹ Трунов Филипп Олегович – канд. полит. наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (1 trunov@mail.ru).

Анализируются различия в подходах Германии и Республики Польша к скорости, масштабам и форме (ротационное или постоянное) наращивания военного присутствия НАТО в Восточной Европе. Выделяются причины и значение принципа сдержанности как основы позиции ФРГ в данном вопросе. Отмечается, что, в отличие от стран Балтии, Германия не развернула на территории Польши своего ротационного воинского присутствия, а ограничилась передислокацией штаба германо-польско-датского корпуса «Северо-Восток». Сравниваются модели строительства бундесвера и Войска польского. Отмечается, что во второй половине 2010-х годов Польша существенно опережает ФРГ в скорости наращивания своих военных расходов и увеличения численности личного состава вооруженных сил, используя это как аргументы для критики германской стороны в рамках НАТО. Делается вывод о наличии значительных «проблемных узлов», в том числе латентных, в отношениях Германии и Польши с учетом борьбы за влияние в Восточной Европе в целом.

Ключевые слова: Германия, Польша, безопасность, внешняя политика, дипломатия, НАТО, Восточная Европа.

Развитие евро-атлантической региональной подсистемы, в первую очередь в вопросах перераспределения влияния между его центрами притяжения, характеризуется высокой динамичностью. Так, Германия, чья ресурсная база существенно возростала на протяжении четверти века после объединения (1990), демонстрирует готовность принимать на себя все более возрастающую ответственность в сфере международной безопасности.

Еще с 1990-х годов прослеживается тенденция стремления Республики Польша (РП) утвердиться в качестве региональной («малой») державы в Восточной Европе. Именно официальная Варшава стала в авангарде сближения восточноевропейских стран и государств Балтии с Евро-Атлантическим сообществом. В этой связи первоочередное внимание истеблишмент РП уделяет выстраиванию отношений с США и Великобританией. Так, Польша даже называлась западными авторами «американским протезе на Востоке [в Восточной Европе]» [Ondarza von, 2012, S. 195]. Для самоутверждения в качестве регионального лидера исторически (с XVIII в.) Польша искала влиятельного старшего партнера среди

стран исторического Запада и в реалиях постбиполярного миропорядка таковыми стали именно Соединенные Штаты Америки.

При этом высокой динамичностью характеризовалось и налаживание сотрудничества официальной Варшавы с крупнейшими европейскими континентальными державами – Германией и Францией. Это было второе по значимости для Польши направление сближения с будущими партнерами по Евро-Атлантическому сообществу. Его развитие началось еще в условиях распада ОВД. Так, 17 июня 1991 г. между лидерами объединенной ФРГ и РП был подписан договор о добрососедстве и сотрудничестве [Vertrag zwischen..., 1991], ставший краеугольным камнем сотрудничества на долгосрочную перспективу. Он стал первым и во многом образцовым в цикле двусторонних договоренностей о перестройке отношений ФРГ со странами Восточной Европы в новых реалиях. А уже 29 августа 1991 г., менее чем через два месяца после роспуска ОВД, главы МИД Германии, Франции и Польши подписали Веймарскую декларацию о будущем Европы, учредив одноименный переговорный механизм (*нем. Weimarer Dreieck*) [Gemeinsame Erklärung..., 1991]. С того времени на данной площадке стали проводиться встречи руководителей внешнеполитических ведомств. С 1993 г. в формате «Веймарского треугольника» были организованы неофициальные встречи президентов стран-участниц, а с 1998 г. – уже официальные переговоры глав государств и правительств. «Веймарский треугольник» к началу XXI в. стал одной из ключевых площадок в Европе для обсуждения широкого круга вопросов безопасности [Die wechselseitigen Beziehungen..., 2016, S. 22].

Германо-польское взаимодействие выступает одним из ключевых факторов, определяющих эволюцию архитектуры системы безопасности как на региональном, так и особенно субрегиональном (Восточная Европа) уровнях. Огромное влияние как на ход кооперации ФРГ и РП, так и на изменение их влияния и роли в евро-атлантической региональной подсистеме оказывает глубокое и принявшее затяжной характер ухудшение отношений Запада и России. В этой связи *задача* настоящей статьи – рассмотреть динамику и перспективы взаимодействия Германии и Польши в сфере

международной безопасности в 2010-е годы. Ключевой научный метод, используемый в работе, – ивент-анализ значимых решений и мер ФРГ в политико-военной сфере.

Исследования по данной тематике проводились как западными, в том числе германскими специалистами – в частности, из Фонда науки и политики [Lang, 2016], так и отечественными [Рубинский, 2016; Belov, 2015]. Однако в целом данные работы, создав определенный задел в изучении избранной тематики, были сфокусированы либо на отдельных вопросах отношений ФРГ и РП (в частности, в рамках «Веймарского треугольника» [Рубинский, 2016]), не охватывая многие смежные «узкие» военные и дипломатические вопросы [Lang, 2016], либо в основном на экономическом измерении двустороннего взаимодействия [Belov, 2015]. Данная статья представляет собой попытку восполнить данный пробел посредством комплексного изучения хода взаимодействия двух крупнейших стран Центральной и Восточной Европы по актуальным политико-военным вопросам.

Основные направления политико-дипломатического взаимодействия ФРГ и РП по вопросам безопасности

В 1990-е годы в условиях стремления Польши вступить в евроатлантические институты ее отношения с ФРГ характеризовались положительным движением по нарастающей. В этот период была осуществлена институционализация политико-дипломатического взаимодействия на высшем и высоком уровнях. Так, помимо «Веймарского треугольника» возник механизм двусторонних консультаций, а также начались межпарламентские регулярные контакты.

Во внешней политике РП (и в целом стран Восточной Европы) весьма значимую роль традиционно играет фактор исторической памяти. С одной стороны, Германия последовательно повторяет тезис об ответственности за трагические судьбы представителей польского народа в годы оккупации страны Третьим рейхом (1939–1945). С другой, – как показывает политическая практика, в случае с Германией фактор исторической памяти не создает препятствий такого масштаба, которые возникают на пути развития отношений официальной Варшавы с Россией и Беларусью [см.: Шанши-

ва, 2018]. Так, истеблишментом РП игнорируется тот факт, что без помощи СССР освобождение поращенной Польши от «коричневой чумы» было бы невозможным. Иными словами, обращение к фактору исторической памяти в германо-польских отношениях носит избирательный характер – в частности, при постановке вопроса о предоставлении правового статуса национального меньшинства полякам, проживающим на территории ФРГ. С данным требованием официальная Варшава выступила после избрания президентом РП А. Дуды (2015) [см.: Die wechselseitigen Beziehungen..., 2016, S. 17].

В XXI в. отличительной чертой диалога, особенно по вопросам международной безопасности, стала его зигзагообразность. Как следует из отчета исследовательской службы Бундестага, наряду с Францией Польша выступает наиболее значимым партнером ФРГ в рамках Европейского союза [Ibid., S. 15]. Так, второй страной, в которую совершил государственный визит вновь избранный президент Польши А. Дуда (всего через три недели после своей инаугурации), стала Федеративная Республика Германия. 28-29 августа 2015 г. – в 24-ю годовщину создания «Веймарского треугольника» – А. Дуда провел переговоры на высшем (с президентом Й. Гауком и канцлером А. Меркель) и высоком (главой МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайером) уровнях [Ibid.]. Только за полгода (до мая 2016 г.) состоялось еще шесть двусторонних (т.е. помимо переговоров в формате «Веймарского треугольника») встреч [см.: Ibid., S. 15–16].

Однако авторы отчета исследовательской службы Бундестага во многом опровергают себя, показывая изменчивость двустороннего взаимодействия. На фоне интенсивных встреч на высшем уровне стала, особенно с осени 2015 г., нарастать критика германского истеблишмента со стороны официальной Варшавы по вопросам энергетической, миграционной, восточной (т.е. в отношении РФ и ее союзников) политики в сфере международной безопасности. Ответственность за дистанцирование позиций с ФРГ по данным направлениям польские власти (в первую очередь, аппарат президента А. Дуды) возложил на германскую сторону [Ibid., S. 16]. Прежде всего это стало производной достаточно глу-

боких расхождений сторон по вопросам безопасности, особенно по «украинской проблеме» и перспективам восстановления диалога Запада с РФ.

В ходе запуска и начала реализации программы Восточного партнерства (по инициативе Польши и Швеции, с 2009 г.) взаимодействие ФРГ, Франции и РП отличала очень высокая степень координации. Это положение в полной мере применимо и к начальной стадии украинских событий (до возникновения вооруженного конфликта): для согласования позиций сторон и реализации общего курса использовались много- (ЕС и НАТО), трех- («Веймарский треугольник») и двусторонние каналы (консультации на высшем и высоком уровнях). Показателем коллегиальности действий стал тот факт, что гарантами соглашения между президентом В.Ф. Януковичем и оппозицией от 21 февраля 2014 г. стали главы внешнеполитических ведомств Германии и Польши, а также руководитель департамента МИД Франции. На двустороннем уровне детали линии в отношении Украины были согласованы в ходе переговоров премьер-министра РП Д. Туска с А. Меркель в Берлине 31 января 2014 г. [Pressestatements von Bundeskanzlerin..., 2014]. Срыв выполнения соглашения от 21 февраля вследствие силового прихода к власти оппозиции во главе с А. Яценюком и А. Турчиновым уже на следующий день не вызвал осуждения у государств – участников «Веймарского треугольника». Де-факто выступая в качестве авангарда ЕС на украинском направлении, три крупные европейские страны консолидированно поддержали новые власти в Украине. На фоне возвращения Крыма в состав РФ (март 2014 г.) и начала боестолкновений на юго-востоке Украины власти ФРГ и РП плотно работали над детализацией стратегии сдерживания России: в марте-апреле 2014 г. прошли по две встречи между А. Меркель и Д. Туском¹. Важной вехой данного этапа взаимодействия стало совместное заявление министров иностранных дел стран – участниц «Веймарского треугольника» 31 марта 2014 г. с жестким осуждением присоединения Крыма к России и необхо-

¹ Рассчитано автором на основе данных с сайта правительства ФРГ. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de> – Прим. авт.

димости реакции на это со стороны НАТО и ЕС [Die wechselseitigen Beziehungen., 2016, S. 25]. Этот документ стал политической прелюдией решения Альянса от 1 апреля 2014 г. о «заморозке» взаимодействия с РФ по всем имевшимся направлениям.

Однако с мая по сентябрь 2014 г. схема использования Германией политико-дипломатических инструментов в отношении Польши существенно изменилась. Во-первых, была сведена к минимуму частота двусторонних переговоров на высшем и высоком уровнях: истеблишмент ФРГ предпочитал взаимодействовать с официальной Варшавой на полях трех- и в целом многосторонних форматов. Лишь с конца сентября 2014 г., т.е. уже после заключения сторонами конфликта при посреднической роли РФ договоренностей «Минск-1», были возобновлены двусторонние консультации на высшем уровне¹. Во-вторых, германо-французский тандем не пригласил РП войти в состав «Нормандского формата», созданного 6 июня 2014 г. по инициативе канцлера ФРГ А. Меркель и президента Франции Ф. Олланда.

Оба этих изменения были обусловлены едиными причинами. В условиях реализации начального этапа (апрель – май 2014 г.) давления на РФ со стороны Евро-Атлантического сообщества было заморожено функционирование большей части дву- и многосторонних переговорных площадок с ней, что привело к появлению «дипломатического вакуума». В Германии (и Франции) росло понимание необходимости создания единственной новой переговорной площадки ad hoc с целью ее использования для убеждения РФ в принятии условий Запада. Таковой стал «Нормандский формат» (с участием двух держав ЕС, Украины и России). С одной стороны, параллельно с функционированием (периодически прерывавшимся) данной площадки по мере затягивания вооруженного конфликта на востоке Украины германо-французский тандем участвовал в реализации новых мер давления (политического, экономического и военного) на РФ. С другой – канцлер А. Меркель и президент Ф. Олланд не стремились «замораживать»

¹ Рассчитано автором на основе данных с сайта www.bundesregierung.de – Прим. авт.

работу «Нормандской четверки», что могло бы стать фактором неконтролируемой эскалации напряженности. На этом фоне германо-французский истеблишмент не был готов к приглашению Польши в «Нормандский формат» (особенно до достижения договоренностей «Минск-1» и «Минск-2»), так как этот шаг, учитывая растущую антироссийскую риторику польского истеблишмента, мог стать непреодолимым препятствием на пути ведения переговоров. Одновременно и сама Польша до середины 2015 г. не проявляла большого интереса к участию в «Нормандском формате». В первую очередь, думается, это было обусловлено нехарактерной ранее для США минимизацией участия в политическом урегулировании «украинской проблемы» в 2014–2016 гг., как указывал британский аналитик Дж. Лаф [Lough, 2018, p. 2]. При этом Соединенные Штаты Америки оказывали различную помощь (в проведении реформ, в том числе в сферах управления и обороны, финансовую, выражение политической солидарности) властям в Киеве. Учитывая значимость атлантических симпатий для польского истеблишмента и его стремление к росту давления на РФ, логичным стал весьма низкий интерес официальной Варшавы к участию в «Нормандском формате» в 2014–2015 гг.

Одновременно ФРГ совместно с Францией, стремясь избежать нарастания напряженности с Польшей, активизировали сотрудничество – как по линии ЕС и НАТО, так и «Веймарского треугольника». Так, после уничтожения малайзийского лайнера (с почти 300 людьми на борту) в воздушном пространстве над зоной конфликта на востоке Украины 17 июля 2014 г. уже 18 июля главы МИД государств – участников «Веймарского формата» согласовали позиции по осуществлению новых (наиболее масштабных с апреля 2014 г.) мер санкционного давления на РФ. Решение об их вводе было принято Европейским союзом в тот же день.

Выражением солидарности ФРГ и Польши стал Уэльский саммит НАТО, на котором были приняты решения по масштабному наращиванию потенциала Альянса: численность сил быстрого реагирования увеличивалась до 30 тыс. (с 15 тыс.), а расходы на оборону должны были возрасти до 2% от ВВП к 2024 г. [Wales summit., 2014]. Этот показатель для РП в 2014 г. составил 1,85%, а

уже в 2015 г. – 2,23, в 2016 г. – 2,00%. Германия в 2014–2016 гг. стабильно расходовала на военные цели лишь 1,19%, что вызывало недовольство партнеров по Альянсу, в том числе Польши [Defence expenditures..., 2016, p. 2–5]. Рост численности сил быстрого реагирования (СБР) в первую очередь означал стремление Альянса нарастить количество мобильных войск, которые могли быть использованы для поддержки стран – участниц блока в Восточной Европе. Факт того, что именно ФРГ играла ключевую роль в комплектовании СБР в 2014–2015 гг., стал значимым выражением стремления Германии помочь Польше в деле обеспечения обороны.

Обсуждению ситуации на востоке Украины, в том числе реализации мер по наращиванию противодействия «российской угрозе», были посвящены встречи глав МИД стран – участниц «Веймарского треугольника» в октябре и декабре 2014 г. (Париж) и апреле 2015 г. (Бреславль, Польша). При этом германо-французский тандем отклонил возможность вхождения Польши в «Нормандский формат» [Die wechselseitigen Beziehungen..., 2016, S. 25]. Это решение показало, что ФРГ и Франция последовательно стремились сохранить «свободу рук»: «Нормандский формат» использовался для поиска приемлемого компромисса с РФ, в то время как «Веймарский треугольник» – для успокоения Польши. Соответственно, в рассмотренных случаях де-факто эти две площадки выполняли функции «наковальни» и «молота» в процессе давления на Россию.

Уже с лета 2014 г. польская общественность стала критиковать ключевую роль ФРГ со стороны ЕС в урегулировании «украинского вопроса». Особенно эта проблема обострилась к осени 2015 г. К данному времени период стремительного падения доверия и реализации мер по противодействию друг другу в 2014 г. между Западом и Россией сменился новым этапом: относительной стабилизацией (с небольшими колебаниями в характере) отношений на крайне низком уровне. В значительной степени ЕС и НАТО исчерпали тот набор инструментов сдерживания РФ, использование которых не было критичным для существования оппонента, а значит, и не вело к переходу конфронтации в «горячую стадию». Учитывая медленное осознание на Западе необходимости восста-

новления диалога с Россией, официальный Берлин, сохранивший контакты с ней по отдельным каналам (в том числе в рамках «Нормандской четверки»), оказался в более выигрышном положении по сравнению с руководством РП. Понимание этого во многом и привело к постановке вопроса о включении Польши в «Нормандский формат» на первое место в списке необходимых для улучшения отношений двух стран требований, озвученных советником А. Дуды по вопросам внешней политики [Die wechselseitigen Beziehungen..., 2016, S. 16].

Стремясь уменьшить критику со стороны партнера, Германия интенсифицировала взаимодействие с РП по всем имеющимся каналам, в том числе активизировав двусторонние консультации на высшем и высоком уровнях. В июне 2016 г. в Бундестаге прошли торжества в связи с 25-летием двустороннего договора о добрососедстве и сотрудничестве, в августе – в МИД ФРГ в честь четвертьвекового юбилея создания «Веймарского треугольника». Официальный Берлин поддержал польскую инициативу по институционализации сотрудничества «Веймарского формата» и аппарата Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Однако власти ФРГ последовательно продолжают избегать самой постановки вопроса о включении РП в «Нормандский формат». Несмотря на срыв сроков по реализации мер, предусмотренных соглашением «Минск-2» (12 сентября 2015 г.), Германия и Франция, как и Россия, выступая гарантами договоренностей, были заинтересованы в сохранении процесса урегулирования, как бы трудно он ни продвигался. Соответственно, потенциальное расширение «Нормандского формата» за счет Польши сталкивалось с широким кругом как фактических (высокая вероятность срыва процесса урегулирования; неготовность РФ к расширению переговорного механизма за счет одного из наиболее антироссийски настроенных стран – участниц ЕС и НАТО), так и формальных препятствий. Из последних ключевым являлось неучастие Польши в подписании «Минска-2», в отличие от соглашения от 21 февраля 2014 г.

Польская сторона продолжает демонстрировать неготовность признать ведущую роль ФРГ и Франции со стороны ЕС в

урегулировании вооруженного конфликта на востоке Украины. В этой связи, думается, официальная Варшава будет усиливать поддержку миссии специального представителя президента США К. Волкера (учрежденную администрацией Д. Трампа), параллельную и по ряду аспектов альтернативную «Нормандскому формату».

Возрастает и критика Германии со стороны Польши за недостаточно решительные, по мнению официальной Варшавы, действия официального Берлина в противодействии двум тесно связанным угрозам безопасности – неконтролируемой массовой иммиграции из нестабильных стран Ближнего Востока и активизации террористов в ЕС. Так, совместно с партнерами по Вишеградской четверке (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) официальная Варшава считает необходимым введение жесткого квотирования беженцев по странам, последовательно выступая против политики «открытых дверей», провозглашенной канцлером А. Меркель. Своеобразным ответом ФРГ стало углубление сотрудничества по борьбе с угрозой международного терроризма (после событий 13 ноября 2015 г. в Париже) внутри германо-французского тандема. Несмотря на активное обсуждение данной тематики на полях «Веймарского треугольника» [см.: *Die wechselseitigen Beziehungen...*, 2016, S. 25–28], уровень взаимодействия Ведомства охраны конституции с французскими спецслужбами остается значительно выше, чем с РП.

В достаточно тесной связи с отмеченным широким кругом расхождений находится и дивергенция позиций сторон по вопросам усиления коллективного силового потенциала Евро-Атлантического сообщества на его восточных рубежах. Так, в списке условий улучшения отношений с ФРГ требование о включении РП в «Нормандский формат» стоит рядом с необходимостью отказа Германии от сопротивления разворачиванию войск и баз НАТО в Восточной Европе на постоянной, а не ротационной основе [*Ibid.*, S. 16–17].

Вопросы участия Германии в наращивании присутствия Североатлантического альянса в Польше

В случае Польши действия Германии по оказанию военной помощи восточноевропейскому партнеру по Альянсу сталкивались с двумя сдерживающими факторами. Один из них состоял в стремлении ФРГ избегать чрезмерно быстрого и масштабного (особенно в смысле развертывания полноценных войсковых сил, а не складов и штабов) наращивания присутствия НАТО в непосредственной близости от границ РФ, что могло справедливо рассматриваться ею в качестве провокационных действий и способствовать эскалации напряженности. Это отвечало логике использования бундесвера за пределами Германии, в основе которого лежала культура «стратегической сдержанности» [см.: Zur Begründung., 2016, S. 3–4].

Другой фактор – это стремление самой Польши к максимально тесному сотрудничеству из всех стран – участниц НАТО с Соединенными Штатами Америки. Так, именно на территории РП по ее просьбе развернута основная масса (до 2/3) от войск, складов и практически все штабы США, размещенные ими в Восточной Европе (в национальном качестве). Этот процесс начался еще в 2014 г., ускорившись после Варшавского саммита НАТО (8–9 июля 2016 г.), когда было принято решение об усилении сил передового развертывания (СПР) НАТО четырьмя многонациональными батальонными тактическими группами (БТГ), а также «тяжелой» бригадой армии США, развертываемыми в странах Балтии и в Польше [см.: Warsaw summit., 2016]. Как уже отмечалось, именно опора на Соединенные Штаты (и в целом на англосаксонские державы) рассматривалась властями РП как путь к достижению положения региональной державы. Напротив, Германия, в отличие от Соединенных Штатов Америки и Великобритании (а также Румынии), не стала направлять свои подразделения в состав СПР блока в РП [В НАТО заявили., 2016].

Иллюстрациями амбиций РП являются планы по быстрому (в течение менее пятилетнего временного отрезка) наращиванию национальных вооруженных сил в 1,5 раза – до 150 тыс. солдат и офицеров в среднесрочной перспективе. Как видно из табл. 1,

Польша в 2015–2018 гг. увеличила численность своих войск почти на 20%, или на 19 тыс. военнослужащих (эквивалент четырех-пяти бригад). В Восточной Европе сопоставимыми темпами (в относительном измерении) растет численность лишь вооруженных сил Литвы, в то время как большинство стран региона (даже Румыния) демонстрируют крайне медленное увеличение. Аналогичные (со 180 тыс. до 183 тыс. в 2015–2018 гг.) показатели демонстрирует и Германия [Defence Expenditures..., 2018, p. 11], тем самым создавая еще один повод для своей критики со стороны РП.

Таблица 1

**Динамика изменения численности вооруженных сил стран
Восточной Европы (тыс.)**

Страна год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Польша	97	98	100	99	99	102	105	118
Румыния	66	66	66	65	64	63	62	69
Болгария	29	26	28	27	25	25	25	25
Чехия	22	22	20	20	21	23	24	25
Венгрия	19	19	18	17	17	18	19	19
Словакия	13	13	12	12	12	12	12	13
Литва	8,0	8,3	8,4	8,6	12	12	13	15
Эстония	5,9	6,0	6,3	6,3	6,0	6,1	6,1	6,1
Латвия	4,8	4,7	4,6	4,6	4,8	5,2	5,5	6,3

Источник: [Defence expenditures..., 2018, p. 11].

Примечательно, что и сама Польша, на территории которой развернут батальон СПР с основным подразделением от США, принимает участие в комплектовании аналогичного батальона в Латвии [В НАТО заявили..., 2016]. Тем самым истеблишмент РП стремится показать свою готовность нести ответственность за оборону «младших партнеров» среди стран Балтии.

С одной стороны, на Уэльском саммите НАТО (2014) Германия поддержала предоставление восточноевропейским партнерам Плана действий по обеспечению готовности (*англ.* Readiness Action Plan), включавшего меры по усилению присутствия Альянса на восточных рубежах. С другой – Германия последовательно выступала против развертывания в регионе новых частей и соединений

на постоянной основе, справедливо полагая, что это станет нарушением Основопологающего акта Россия – НАТО (1997) [Die wechselseitigen Beziehungen., 2016, S. 25–26]. Это положение тем важнее, что акт остается практически единственной правовой платформой для взаимодействия сторон.

Однако ФРГ смогла найти весьма интересный выход из дилеммы бытия между Сциллой неготовности развертывать большие массы войск (особенно на постоянной основе) и Харибдой демонстрации атлантической солидарности. Таковым стало участие бундесвера в создании разветвленной штабной инфраструктуры на территории РП и в целом Восточной Европы. Еще в 1999 г., вскоре после вхождения Польши в Североатлантический альянс, был создан германо-датско-польский корпус (или корпус «Северо-Восток») со штабом в Щецине (Польша). Для РП это стало одним из механизмов практического сотрудничества с НАТО, в том числе в деле предоставления ей гарантий безопасности со стороны ФРГ – одной из наиболее влиятельных стран – участниц блока. Для Германии, в свою очередь, эта мера открыла один из каналов стратегического проникновения в Восточную Европу – примечательно, что в состав управления корпуса в 2004–2013 гг. вошли представители всех восточноевропейских государств и стран Балтии. Это подчеркивало военно-политическое значение корпуса «Северо-Восток» как одной из ключевых группировок блока в регионе. При этом к середине 2010-х годов в условиях масштабных сокращений бундесвера основную массу его войск стали составлять датские (дивизия «Фредерика») и польские (12-я механизированная дивизия) контингенты.

На фоне наращивания сил быстрого реагирования и появления первых частей СПР НАТО в Восточной Европе 5 февраля 2015 г. ФРГ, Дания и Польша приняли коллективное решение о переводе штаба корпуса из состояния пониженной в повышенную боевую готовность. Стороны призвали другие государства – члены блока присоединиться к работе штаба [Trilateral Statement., 2015]. Управление объединения приняло на себя руководство бригадой наивысшей степени боевой готовности – авангарда СБР (численностью до 5 тыс. военнослужащих), о создании которого было

принято решение на Уэльском саммите НАТО [Wales Summit., 2014]. Роль данной бригады должно было играть высококомобильное соединение вооруженных сил того среднего или крупного государства – члена Альянса, которое комплектовало СБР на 12-месячный срок (с ротацией один раз в 7-летний промежуток). В соответствии с решениями Варшавского саммита НАТО (2016) ответственность за комплектование соединения наивысшей степени боевой готовности официально поочередно возлагалась на Германию, Италию, Польшу, Испанию, Турцию, Великобританию и Францию [Warsaw Summit., 2016]. Соответственно, всего должно быть отобрано семь таких бригад, которые первыми должны были развернуться в Восточной Европе в случае кризиса. Для руководства ими были созданы в странах Балтии, Польше и восточных землях ФРГ шесть бригадных штабов (по одному для всех бригад, кроме действующей) [Kamp, 2016, S. 2]. Эти штабы и войска (на время пребывания в Восточной Европе) были переданы в подчинение обновленному штабу корпуса «Северо-Восток» (с дислокацией в Варшаве), основу которого и составило управление германо-датско-польского корпуса. Изначально планировалось, что аппарат корпуса «Северо-Восток» приступит к работе в первой половине 2017 г. (полное укомплектование намечалось достичь к концу 2018 г.) [см.: Brussels Summit., 2018]. Корпусу в подчинение передавались и четыре многонациональные БТГ СПР НАТО, а также (с оговорками) «тяжелая» бригада армии США, развернутые в странах Балтии и Польше [Warsaw summit., 2016]. Тем самым, не направляя на территорию последней свои собственные войска, германская сторона получает возможность получить опыт управления войсковыми группировками в реалиях восточноевропейского ТВД. Это позволяет решить и еще одну «побочную» проблему – в условиях расформирования частей и соединений германской армии, особенно быстрого во второй половине 2000-х годов, значительное число опытных командных кадров осталось без должностей. Возможный выход из этой ситуации – их отправка в штабы для командования общими СПР НАТО.

В соответствии с итогами Брюссельского саммита Альянса (2018) было принято решение перестроить штаб корпуса

«Северо-Восток» в одноименное дивизионное управление (по аналогии с дивизией «Юго-Восток» в Румынии) [см.: Brussels Summit., 2018]. Это означало, что большинство «старых» стран – участниц блока, в том числе ФРГ, не считают необходимым направлять новые соединения и части в состав СПР, что спровоцировало бы аналогичные шаги со стороны РФ. С учетом позиции Германии так и не было принято решение о переводе формулы пребывания вновь развернутых войск в Восточной Европе с ротационной на постоянную основу. Это стало бы юридическим нарушением основополагающего акта Россия–НАТО (1997), который оставался де-факто единственной основой для возобновления взаимодействия сторон. Более того, в заглавных пунктах итогового заявления саммита в Брюсселе подчеркивалось, что страны Альянса в 2015–2018 гг. девять раз собирали Совет Россия–НАТО по узким вопросам. И хотя данные шаги позиционировались как демонстративно вынужденные [см.: Brussels Summit., 2018], готовность Альянса к поиску точек соприкосновения с РФ в 2018 г. стала большей, чем в 2015–2016 гг. Подобный курс не мог не породить новой волны недовольства официальным Берлином со стороны польского истеблишмента.

Наличие «болевых узлов» по политическим вопросам оказывает влияние и на военно-экономическое сотрудничество двух стран. В целом во внешней торговле для Польши Германия является наиболее значимым партнером – на нее приходится порядка 25% от общего объема экспорта РП. Напротив, для ФРГ польская сторона не входит в число даже десяти наиболее значимых экономических партнеров [см.: Die wechselseitigen Beziehungen., 2016, S. 17]. Это положение в полной мере справедливо и в отношении германского военного экспорта (табл. 2) – в его объемах доля РП в среднем составляет 1–1,5%.

Прежде всего это обусловлено нежеланием польского истеблишмента допускать активное включение ФРГ в процесс технической модернизации Войска польского, в отличие от 1990-х годов, когда на вооружение последнего массово поступали подержанные танки «Leopard 2». Германские техника и вооружения поставляются в РП малыми партиями, а основу военной торговли составляют поставки запасных частей. Так, в планах по масштабному обновле-

нию бронетанкового парка Войска польского предпочтение отдано танку пятого поколения PL-01 (с использованием стелс-технологий), разработанному при ведущем участии крупной британской оборонной компании BAE-systems (англ. British Aerospace Marconi Electronic Systems). Однако высокая стоимость PL-01 дает возможность закупать его лишь небольшими партиями, не позволяя решить проблему обновления полностью в короткие (пять-семь лет) сроки. Разумным решением была бы закупка более дешевых модифицированных «Leopard 2», однако этому во многом мешают политические противоречия.

Таблица 2

Объем военного экспорта ФРГ в Республику Польша¹

Год	Объем экспорта (в млн долл.)	Доля экспорта в РП от его общего объема	Количество сделок
2007	19,6	1,62%	236
2008	21,2	0,66%	202
2009	33,2	1,32%	160
2010	15,0	1,08%	224
2011	39,2	1,69%	323
2012	95,9	3,68%	228
2013	42,8	1,19%	264
2014	55,1	1,38%	266
2015	44,0	0,05%	243
2016	85,3	1,24%	219

На фоне глубокого кризиса в отношениях Запада и России в германо-польских отношениях существенно растет число «боле-вых узлов», особенно латентных. В первую очередь, это обусловлено двумя фундаментальными причинами: существенной разницей в степени жесткости в отношении РФ и амбициями Польши как региональной державы. Официальная Варшава, стремясь выстроить в Восточной Европе субрегиональный порядок, ориенти-

¹ Рассчитано автором на основе данных ежегодных докладов об экспорте военной продукции (Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre. – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie) за 2007–2016 гг. – Прим. авт.

рованый на себя и США (англосаксонские державы в целом), не готова смириться с растущей ролью ФРГ в решении широкого комплекса вопросов в Восточной Европе и западной части постсоветского пространства.

В случае увеличения дивергенции (как явной, так и латентной) позиций Германии и США истеблишмент РП попытается использовать фактор ориентирования на Соединенные Штаты для давления на официальный Берлин. Основными требованиями останутся: обеспечение равновесного участия в решении проблем на восточном направлении и повышение финансового (до 2% от ВВП) и войскового (рост масштаба присутствия бундесвера в Восточной Европе) участия в развитии НАТО. Параллельно для давления на ФРГ будут использоваться факторы исторической памяти и особенно сопротивления Германии со стороны Вишеградской четверки по миграционной проблеме в ЕС.

Однако, как показывает динамика отношений сторон в 2015–2018 гг., даже реализация всего комплекса указанных мер вряд ли сможет подорвать основы лидирующих позиций ФРГ в Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

Литература

В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК. – 2016. – 26.10. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Дата обращения – 16.01.2019).

Рубинский Ю.И. Германо-польские отношения и «Веймарский треугольник». – М.: Институт Европы РАН, 2016. – 4 с. – (Аналитическая записка; № 24 (№ 54) ИЕ РАН).

Шаншиева Л.Н. Республика Беларусь: Внешние и внутренние факторы безопасности // Проблемы европейской безопасности. – М.: РАН ИНИОН, 2018. – Вып. 3. – С. 189–210.

Belov W. Polnisches Forderungen an Deutschland: «Warschau fühlt sich beleidigt» // Sputnik Deutschland. – 2015. – 28.06. – Mode of access: <https://de.sputniknews.com/politik/20150628/302976316.html> (Date of access – 16.01.2019).

Brussels Summit declaration // NATO. – 2018. – 11.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (Date of access – 16.01.2019).

Defence expenditures of NATO countries (2009–2016): Communiqué. – Brussels, 2016. – 11 p. – (PR/CP; N 116).

Defence expenditures of NATO countries (2011–2018): Communiqué. – Brussels, 2018. – 15 p. – (PR/CP; N 091).

Gemeinsame Erklärung der Außenminister von Deutschland, Frankreich und Polen zur Zukunft Europas. Weimar, 29. August 1991 // Bulletin des Presse und Informationsamts der Bundesregierung. – Bonn, 1991. – N 92. – S. 735–737.

Kamp K.-H. Die Agenda des NATO-Gipfels von Warschau. – Berlin: Bundesakademie für Sicherheitspolitik, 2016. – 4 S. – (Arbeitspapier Sicherheitspolitik; N 9/2016).

Lang K.-O. Misstrauen und Zusammenarbeit – Warschauer Blick auf Deutschland und Folgen für die deutsch-polnischen Beziehungen. SWP-Aktuell 13. März 2016. – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2016. – 4 S.

Lough J. Germany's Russia challenge (Fellowship monograph). – Naples: Research Division NATO Defense College, 2018. – 47 p.

Ondarza von N. Legitimatoren ohne Einfluss? Nationale Parlamente in Entscheidungsprozessen zu militärischen EU- und VN-Operationen in Vergleich. – Berlin: Nomos, 2012. – 364 S.

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem polnischen Ministerpräsidenten Tusk // Bundeskanzleramt. – 2014. – 31.01. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/01/2014-01-31-merkel-tusk.html> (Date of access – 15.07.2018).

Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers Meeting 5 February 2015. – Brussels, 2015. – 2 p.

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen über gute Nachbarschaft und freundschaftliche Zusammenarbeit vom 17. Juni // Bulletin des Presse und Informationsamts der Bundesregierung. – Bonn, 1991. – N 68. – S. 541–546.

Wales Summit Declaration // NATO [site]. – 2014. – 05.09. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Date of access – 21.01.2019).

Warsaw Summit Communiqué // NATO [site]. – 2016. – 09.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en (Date of access – 21.01.2019).

Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des «Eisernen Vorhangs» unter besonderer Berücksichtigung der Initiative «Weimarer Dreieck». Materialversammlung / Wissenschaftliche

Dienst Deutscher Bundestag. – Berlin, 2016. – 38 S. – (Dokumentation; WD 2-3000-075/16).

Zur Begründung von Auslandseinsätzen der Bundeswehr / Wissenschaftliche Dienst Deutscher Bundestag.- Berlin, 2016. – 24 S. – (Dokumentation; WD 2-3000-021/14).

DOI:10.31249/ape/2019.03.08

Ph.O. Trunov¹ ©, 2019
**Current German-Polish relations: Political-
military dimension**

Abstract. *The article covers main directions of German-Polish cooperation in the military-political field to-day. The key research method is the event-analyze of German policy vis-à-vis Poland in military-political field.*

The article explores political-diplomatic track of cooperation. In this regard the paper covers the reasons and consequences of the «Weimar triangle» creation (1991) and its use by member states for coordination of positions during the first stage of Ukrainian crisis (2013–2014). The scientific research shows that Germany (and France) are against Poland's accession to the «Normandy format». The reason of it is potential negative influence of Poland over the «skidding» resolution of armed conflict in Eastern Ukraine. The paper notes that Germany uses the «Weimar triangle» as a platform to reduce tensions with Poland on Ukrainian issues. In turn Poland shows unavailability to participate in the realization of German-French military-political initiatives in the EU and in the field of migration crisis.

The article shows the differences between German and Polish approaches towards the speed, scales, forms (rotational or permanent) of NATO military presence in Eastern Europe. The paper highlights the reasons and consequences of principle of restraint as the basis of the German position in this question. The author shows that Germany does not deploy its rotational military presence in Poland (unlike Baltic states) and only agree with redeployment to Poland trilateral (together with Denmark and Poland) staff of the Corps «North-East» from German territory. The article compares the models of armed forces buildings (on the examples of Bundeswehr and Polish Army).

¹ Trunov Philipp Olegovich – Ph.D. in political sciences, senior researcher INION RAS (1 trunov@mail.ru).

In this regard the author underlines that Poland is significantly ahead of Germany in the rate of increasing its military spending and increasing the number of the armed forces personnel. These points are used by Poland as arguments for criticism of Germany inside NATO. The article concludes on large problems (including latent) in German-Polish relations in military-political sphere, which are strongly connected with the struggle for influence between the two states in Eastern Europe.

Keywords: Germany, Poland, security, foreign policy, diplomacy, NATO, Eastern Europe.

References

Belov W. (2015). Polnische Forderungen an Deutschland: «Warschau fühlt sich beleidigt» // Sputnik Deutschland. – 28.06. – Mode of access: <https://de.sputniknews.com/politik/20150628/302976316.html> (Date of access – 16.01.2019).

Brussels Summit declaration (2018) // NATO. – 11.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (Date of access – 16.01.2019).

Defence expenditures of NATO countries (2009–2016): Communiqué. (2016). – Brussels. – 11 p. – (PR/CP; N 116).

Defence expenditures of NATO countries (2011–2018): Communiqué. (2018). – Brussels. – 15 p. – (PR/CP; N 091).

Gemeinsame Erklärung der Außenminister von Deutschland, Frankreich und Polen zur Zukunft Europas. Weimar, 29. August 1991 (1991) // Bulletin des Presse und Informationsamts der Bundesregierung. – Bonn. – N 92. – S. 735–737.

Kamp K.-H. (2016). Die Agenda des NATO-Gipfels von Warschau. – Berlin: Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – 4 S. – (Arbeitspapier Sicherheitspolitik; N 9/2016).

Lang K.-O. (2016). Misstrauen und Zusammenarbeit – Warschauer Blick auf Deutschland und Folgen für die deutsch-polnischen Beziehungen. SWP-Aktuell, 13. März 2016. – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – 4 S.

Lough J. (2018). Germany's Russia challenge (Fellowship monograph). – Naples: Research Division NATO Defense College. – 47 p.

NATO announced the participation of 16 countries in the rotation of forces in Eastern Europe (2016) [V NATO zajavili ob uchastii 16 stran v rotacii sil v Vostochnoj Evrope] // RBK. – 26.10. – Mode of access: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Date of access – 16.01.2019).

Ondarza Von N. (2012). Legitimatores ohne Einfluss? Nationale Parlamente in Entscheidungsprozessen zu militärischen EU- und VN-Operationen in Vergleich. – Berlin: Nomos. – 364 S.

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem polnischen Ministerpräsidenten Tusk (2014) // Bundeskanzleramt. – 31.01. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/01/2014-01-31-merkel-tusk.html> (Date of access – 15.07.2018).

Rubinskij Ju.I. (2016). German-Polish relations and the «Weimar Triangle» [*Germano-pol'skie otnoshenija i «Vejmarskij treugol'nik»*]. – M.: Institute of Europe. – 4 p. – (Analytic note; N 24 (54)).

Shanshieva L.N. (2018). Republic of Belarus: The external and internal factors of security [*Respublika Belarus': Vneshnie i vnutrennie faktory bezopasnosti*] // European Security Challenges. – M.: INION RAS. – Vol. 3. – P. 189–210.

Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers Meeting 5 February 2015 (2015). – Brussels. – 2 p.

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen über gute Nachbarschaft und freundschaftliche Zusammenarbeit vom 17. Juni. (1991) // Bulletin des Presse und Informationsamts der Bundesregierung. – Bonn. – N 68.– S. 541–546.

Wales Summit Declaration (2014) // NATO [site]. – 05.09. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Date of access – 21.01.2019).

Warsaw Summit Communiqué (2016) // NATO [site]. – 09.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en (Date of access – 21.01.2019).

Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des «Eisernen Vorhangs» unter besonderer Berücksichtigung der Initiative «Weimarer Dreieck». Materialversammlung (2016) / Wissenschaftliche Dienst Deutscher Bundestag. – Berlin. – 38 S. – (Dokumentation; WD 2-3000-075/16).

Zur Begründung von Auslandseinsätzen der Bundeswehr (2016) / Wissenschaftliche Dienst Deutscher Bundestag. – Berlin. – 24 S. – (Dokumentation; WD 2-3000-021/14).